

Барс вернулся в квартиру — вечно холодную, полутемную и пустую.

Жить в одиночестве он привык. И наверное, поэтому забрал себе из приюта пса — американского стаффордширского терьера, которого еще щенком выкинули на улицу. Когда Барс увидел его фото в соцсети, тот был худым, как скелет, и с испуганными глазами. И напоминал его самого в детстве.

Он пожалел щенка. Зачем-то забрал. Назвал Лордом. Выходил, стал обучать командам, тренировать. Пес изменился — стал большим и сильным. И признал Барса своим полноправным хозяином.

А теперь в их доме появился еще и котенок. Барс услышал его жалобное мяуканье на подходе к дому и сразу решил — надо забрать, пока местные псы не растерзали. Или добрые люди не свернули шею.

Его, правда, опередила ненормальная девчонка с соседнего дома. Невысокая, хрупкая, явно слабая, но ужасно наглая!

Она реально была не в себе. Сначала наблюдала за ним и Викой, когда они целовались на балконе. Еще и на камеру снимала, извращенка. Наверное, ждала продолжения. Он бы устроил это продолжение — пусть смотрит, ему не жалко. Но Вика не захотела. Увела его в комнату и там дала огня.

Потом эта незнакомка не хотела отдавать коробку с котенком, да еще и вела себя так, как никто не смел вести себя с Барсом. Дерзко. Как будто была сильнее.

Дима Барсов по кличке Барс давно привык считать себя неприкосновенным. Не выше других, но в стороне. Его уважали, боялись и обходили по дуге. Еще бы — гроза всего района, с которым никто не связывался, даже взрослая гопота. Себе ведь дороже. Все знали, что Барс на спорте. И что постоять за себя может.

А девчонка то ли была совсем поехавшей, то ли не понимала, кто перед ней. Сверкала своими синими глазищами в пол-лица и вела себя так нагло, что ему это даже понравилось. Давно Барс так не веселился. Часть девчонок его сторонилась — боялась из-за слухов. Другая часть пыталась соблазнить. Но никто никогда не спорил. И не ставил на место.

Правда, когда она дотронулась до него, его разряд тока прошиб насквозь. Даже дышать нечем стало. И Барса это разозлило. Никто не имел права прикасаться к нему без разрешения. Поэтому он поставил девчонку на место. Правда, сердитые синие глазища до сих пор стояли перед лицом. А еще — пухлые губы.

Черт, у Вики губы круче. Она ими такое делает, что этой девчонке и не снилось. Пошла она к черту. Дура.

Котенка пришлось помыть специальным шампунем, потом накормить. Снова усадить в коробку — правда, уже на одеяло.

— Будешь Обедом, — сказал Барс, глядя котенка. Тот довольно замурчал. Ему было все равно, как человек станет его звать — главное, что покормил. А Лорд, до этого внимательно наблюдавший за Обедом, заворчал и уткнулся хозяину в ноги теплым носом. Будто хотел сказать: «Смотри, я вообще-то тут. И я лучше, чем эта котяра».

Спать они завалились все вместе на одном диване. Котенок сделал свои грязные дела прямо на

одеяло в коробке и решил, что спать лучше с Барсом. А Лорд, ревнуя, забрался в ноги.

Утром вышедшего из душа Барса встретила впечатляющая надпись на одном из окон напротив.

«Отдай кота, дуболом!» — гласила она.

Когда он увидел это, то от неожиданности чуть не уронил телефон, который держал.

Эта девчонка совсем поехала крышей? У нее сезонное обострение или всегда с головной проблемы? Она вообще понимает, кто он?

По ходу, нет.

Ничего, ей объяснят. Потом будет глазки в пол опускать и жаться к стенам. Его все бояться. Она исключением не станет.

...А губы у нее и правда были манящие. И фигурка ничего. Он бы с ней позабавился. Только не станет.

Хорошим порядочным девочкам не место рядом с таким, как он. Пусть найдут себе хороших мальчиков, которые будут дарить им цветы и нежно целовать.

Барс и нежность были понятиями несовместимыми. Он был типичным бэдбоем. Дрался, менял девчонок, как перчатки, играл с собственной жизнью в рулетку. И не ждал от людей ничего хорошего. Слишком уж много жести насмотрелся. Да и слабаком не хотел становится.

Потому что знал. Все хорошие парни — слабые. А слабые всегда в проигрыше.

Но какого черта он все время думает о ее губах?

Мы целовались, как ненормальные.

Тепло его сильных рук, требовательные губы, нежность, пронзающая сердце...От всего этого кружилась голова и не хватало дыхания. Зато в сердце загорались фейерверки.

Это было запретно, но горячо. На мне — лишь его футболка, достающая почти до колен, на нем — джинсы. И нереальное притяжение между нами. До мурашек.

«Полина», — прошептал он мне на ухо, прикусил мочку уха и поцеловал в шею, заставляя крепче сжать плечи. А затем подхватил меня на руки и закружил по наполненной светом комнате. Обнимая его, я смеялась — чувствовала себя самой счастливой. Знала, что он любит меня так, как никто. И я люблю его.

Мне захотелось назвать его по имени, но я вдруг поймала себя на мысли, что не знаю его.

«Дуболом?» — тихо проговорила я, и в этот же момент меня разбудил истошный вопль будильника. Я распахнула глаза и резко села в кровати, не понимая, почему сердце так часто бьется, а губы горят, будто от реального поцелуя.

Почему мне вообще приснилось, что я целую с этим странным типом?! Он же неадекватный!

Я подошла к окну — небо за ним было низким и хмурым, видимо, собирался дождь. Интересно,

почему каждое первое сентября такое тоскливое? Не помню ни дня, когда на дворе стояла бы хорошая погода. Может быть, природа скорбит о тех, кому суждено идти на учебу?

Что ж, пора собираться, нельзя опаздывать в первый учебный день в новой школе.

Да, я — новенькая. И, наверное, буду единственной новенькой одиннадцатиклассницей. Никогда бы не подумала, что мы уедем, и что последний год я проведу в другом городе. Не уверена, что найду тут друзей — в старшей школе компании уже сложены, чужих не особо любят.

В переезде был виноват отчим. Это был его родной город, в котором он родился и жил. Работал на руководящей должности в какой-то крупной компании, был в браке, имел детей. Однажды его перевели в филиал в нашем городе, где он и встретил маму. А теперь ему нужно было вернуться — тоже из-за работы. Его крупно повысили. И одним июльским вечером он поставил нас перед фактом — мы переезжаем за тысячу километров.

Я упрашивала маму разрешить мне остаться хотя бы на год, чтобы закончить родную школу, но она была непреклонна. Сказала, что мы должны ехать следом за главой семьи. Глава семьи! Как будто бы этот незнакомый мужчина мог стать мне семьей! Мы с самого начала были чужими друг для друга, и соблюдали нейтралитет лишь ради мамы. Я была уверена, что не нравлюсь Андрею, а он раздражал меня своими манерами и холодностью.

Я твердо решила — отучусь здесь год, как и обещала, но поступать буду в родном городе. Подаю документы, чтобы мама не знала, а потом просто уеду. Мне исполнится восемнадцать, а значит, я сама буду решать, где и с кем жить. Вернусь к бабушке по папе. Она уже знает об этом плане и ждет меня. К тому же у нее остался мой кот Зайчик. Андрей предложил отдать его каким-то своим знакомым, но я не согласилась. Это мой кот, и я не собираюсь его никому отдавать!

Я заправила постель, умылась, привела себя в порядок и даже слегка подкрасила ресницы, брови и губы. А после тоскливо уставилась на форму, висевшую на стене. Темно-синяя плиссированная юбка ниже колен, белая блузка, пиджак с нашивкой в виде школьного герба и галстук.

Это форма была парадная, а кроме нее была еще и повседневная — разрешалось носить платья, юбки, брюки, сарафаны и жакеты темно-синего или черного цветов, а еще светлые блузки и водолазки. Кроме того, было много других ограничений, например, колготки могли быть только телесного цвета, туфли — только закрытые и с каблуком до семи сантиметров, а маникюр — только бесцветный.

В моей прежней школе тоже придерживались делового стиля, но таких ограничений не было, и для меня все это было в новинку.

Ладно, если честно, я жутко нервничала.

Мне до сих пор не верилось, что я не смогу доучиться со своими ребятами, что не сяду за одну парту с Иркой, своей лучшей подругой... Она так плакала, когда мы прощались... Да я и сама ревела — отпускать привычную жизнь было нелегко.

Ничего, это продлится всего год. И я вернусь.

— Полин, ты скоро? — заглянула в комнату мама. — Беги скорее завтракать, а то опоздаешь!

Я все же надела форму и посмотрелась в зеркало. Почему японские школьницы в своей форме выглядят как королевы юности, свежести и красоты? А я — как малолетка, хотя мне уже почти восемнадцать!

Мне всегда хотелось выглядеть, как модель — тонкое лицо, острые скулы, кошачьи глаза и, конечно, высокий рост! Идеалом для меня была двоюродная сестра Рита, которая работала моделью и в Азии, и в Европе. Она всегда в шутку называла меня Babyface и говорила, что у меня «очаровательное детское лицо». А мне оно совершенно не нравилось! Большие щеки с ямочками, большие глаза, пухлые губы и вздернутый нос — ну какая это модель?! «Ты просто ничего не понимаешь, зая, — отмахивалась от меня Рита. — Типаж бейби-фейс покоряет мир». А я отвечала на это, что пока даже ни одного парня еще не покорила. И не покорю с таким-то лицом! Единственное, что мне в себе нравилось, так это цвет глаз — синие, как у папы. И длинные ресницы — это уже спасибо маме.

Наверное, непринятие себя началось с детства.

Тогда меня часто обзывали Лягушатиной и-за торчащих лопаток и пухлых губ. Особенно часто дразнились братья-соседи Сашки и Игорь Степановы. Они доставали меня день и ночь, и однажды папа услышал это. Но не стал их ругать, лишь спокойно поговорил. Не знаю, какие слова нашел папа, но братья подошли ко мне и смущенно извинились, а после стали ходить за мной по пятам и называть себя моими охранниками.

Со Степановыми я подружилась и, наверное, общалась бы до сих пор, если бы они не переехали после пятого класса. По иронии судьбы — в этот же город. Было бы здорово встретить их, но не думаю, что это случится. Какова вероятность встретить кого-то посреди миллионного города? Почти никакой. А если бы мы и встретимся, то, возможно, не узнали бы друг друга. Связь с ними была безвозвратно потеряна. Дружья детства — не значит дружья навсегда.

Завязав волосы в хвост, я направилась на кухню. Работал телевизор и вкусно пахло выпечкой. Андрей, мой отчим, уж сидел за круглым столом и сосредоточенно читал газету.

— Доброе утро, — сказала я, и он лишь кивнул в ответ. Обычно он меня не замечал.

Мама, напевая, готовила завтрак. Она каждый день готовила для Андрея, и говорила, что делает это с удовольствием, хотя до второго замужества терпеть не могла готовку. И раньше я готовила чаще, чем она. Но теперь все стало иначе.

Иногда мне казалось, что мама растворяется в Андрее, а он снисходительно позволяет ей это делать.

— Садись, солнышко, — улыбнулась мама. — Я сырники сделала, как ты любишь. С вишневым джемом!

— Я не люблю сырники, — тихо сказала я. Это Андрей их любит. Я люблю оладьи, а творог терпеть не могу!

— Ну хватит тебе ерничать, — ничуть не обиделась мама и погладила по волосам. — Кушай скорее, тебя Андрей отвезет. Первый день в школу опаздывать нельзя!

В ответ я лишь кивнула. Моя старая школа находилась прямо через дорогу от нашего дома, а до новой нужно было идти минут пятнадцать. На машине добраться было куда быстрее.

— Не дуйся, — добавила мама и снова улыбнулась, и я не смогла не улыбнуться ей в ответ. — И

не бойся, все пройдет хорошо! Вот увидишь, Полинкин, новая школа тебе понравится! Кстати, тебе кофе или чай? Андрей, а тебе еще кофе сделать? Сейчас все будет!

Когда мама была в хорошем настроении, то напоминала солнышко — ее глаза светились теплом и заботой, и сама она будто сияла. Она была красивой блондинкой моложе своих лет — тоненькой, женственной, какой-то летящей, энергичной и все успевающей. Мама вышла замуж за папу в девятнадцать, в двадцать родила меня, не бросив учебу в университете, потом работала в банке, занималась йогой и какими-то восточными духовными практиками, и все было хорошо, пока не ушел папа.

И тогда из нее будто вынули батарейки. Солнце погасло.

Несколько лет она была в депрессии, ничего не делала — просто лежала на кровати, забыв обо всем на свете. Мною по большей части занималась бабушка. Лишь постепенно с помощью специалистов мама смогла выползти из депрессии. Устроилась на работу, вновь стала ухаживать за собой. И встретила Андрея.

Я училась в девятом классе, когда это случилось. У них был бурный роман — Андрей дарил ей подарки, водил всюду и отвозил за границу. Мне он каждый раз приносил шоколад, и всегда — горький, который я не любила.

Он не понравился с первого взгляда, хоть и не сделал мне ничего плохого. Меня отталкивали его холодность и самоуверенность. А может быть, я просто ревновала.

Как бы там ни было, я хотела, чтобы мама была счастлива после стольких лет горя. И я ни слова не говорила против Андрея. А когда мама спросила меня, как я отношусь к тому, что он будет жить с нами, я, натянув улыбку, сказала, что хорошо. Зато бабушка не молчал. Новый мамин мужчина ей не нравился, и она высказала маме все, что о нем думает. Что он скользкий тип, высокомерный и сам себе на уме. Из-за этого они поругались.

Однажды я пришла со школы пораньше и услышала, как они ругаются — бабушка, которая жила в соседнем доме, зашла к нам в гости.

«Этот твой Андрей изменял своей жене! Зачем тебе такой мужик, Дана?» — громко спросила бабушка.

«Вы намекаете, что я его из семьи увела?!» — выкрикнула мама.

«Не намекаю, а говорю прямо! Он детей из-за тебя бросил!»

«Они развелись еще до того, как мы стали встречаться! — рассердилась мама еще сильнее. — Что вы несете, Светлана Ефимовна? Вы просто не можете мне простить, что я снова пытаюсь быть счастливой! Что не проживу до конца дней вдовой!»

«Дура ты, Данка! Вот как есть дура. И всегда ею была. Делай, что хочешь. Ломай свою жизнь! Только Польку мою не трогай!» — распалилась и бабушка.

«Я сама знаю, как ее воспитывать»

«Да ничего ты не знаешь!»

«Вы меня всегда ненавидели! Как только узнали, что ваш сын мне предложение сделал, в лице переменялись! Хотели себе другую невестку, чтобы из обеспеченной семьи была, а Миша

привел домой меня! Я все помню!»

Они еще долго ругались, со вкусом, а я, чтобы не слышать их криков, тихонько ушла из квартиры и сидела этажом выше, пока бабушка не ушла. Больше она к нам в гости не приходила, и с мамой они так и не помирились.

— Полинкин, кушай скорее, Андрей тебя ждет, — поторопила меня мама, пока я ковыряла вилкой сырник. Есть абсолютно не хотелось. Слишком сильно я волновалась перед школой.

Мама села за стол и положила руку на плечо Андрея.

— Знаешь, милый, я тут видела объявление — в салон неподалеку требуется на пол ставки администратор. Может быть, я устроюсь? Работа хорошая и рядом совсем. Как тебе?

Отчим отложил газету и внимательно посмотрел на маму. Ее улыбка почему-то погасла.

— Зачем тебе работа, Дана? — спросил он, выдержав паузу. — Тебе не хватает денег? Я, кажется, нормально зарабатываю.

— Ну что ты, конечно хватает, — смутилась мама. — Просто мне скучно. Хотелось бы чем-то заняться.

— Дорогая, если у мужчины должна возможность обеспечивать свою женщину. У меня есть. И я хочу, чтобы ты тратила время на бесполезную работу.

— Но, Андрюш...

— Дорогая, я понимаю, что этот город для тебя незнакомый, что у тебя тут никого нет. Но это не повод, чтобы искать работу. Лучше развейся, прогуляйся по магазинам, сходи в салон или в фитнес-центр. Со временем ты найдешь себе подружек и одиноко тебе не будет. К тому же я всегда с тобой рядом.

— Да, ты прав, милый, — кивнула мама и снова улыбнулась, а я нахмурилась.

Что за идиотская позиция? Если женщина хочет работать — это ее право. И вообще, зачем мама спрашивает у него разрешения? Глупости какие.

— Я просто забочусь о тебе, — пообещал отчим, встал из-за стола, поцеловал маму в щеку и ушел в прихожую.

— Мам, если ты хочешь на работу — иди, — нахмурившись, сказала я. Она удивленно посмотрела на меня.

— Я не хочу, малышка.

— Это Андрей не хочет.

— Он заботится обо мне, — повторила его слова мама. Мне больших трудов стоило не закатить глаза.

— Мам, ты вообще не должна спрашивать его разрешения. Понимаешь?

— Иди одеваться, — резко изменила тему мама. — Не заставляй Андрея ждать. И обязательно напиши мне, как прошла линейка. Ах да, цветы не забудь!

Она вручила мне букет желтых роз, которые предназначались для классной руководительницы. И я поспешила выйти следом за Андреем, которому уже позвонил зам, чтобы решить какие-то очередные важные вопросы.

Мы сели в его черный «Мерседес», и мне вдруг показалось, что на нас кто-то внимательно смотрит. Только кто, я не поняла.

По дороге я переписывалась с Ирккой и девчонками в общем чате. Жизнь у них бурно кипела — они присылали мне фото с линейки, а мне оставалось лишь кусать губы.

Отчим всю дорогу разговаривал по телефону — обсуждал какие-то кадровые перестановки. Он вообще производил впечатление трудоголика. Иногда мне казалось, что его ничего в жизни не интересует, кроме работы. Ну и конечно, моей мамы.

Почему он влюбился в нее, я понимала — мама была красива и женственна. А вот почему она полюбила его, для меня оставалось загадкой.

С виду он казался симпатичным взрослым мужчиной в очках и вечных деловых костюмах. Следил за собой, занимался спортом. Однако был холодным, сухим и скучными. Редко шутил, еще реже смеялся. Всегда действовал четко по правилам. И был правильным до одурения. Ему не нравилось, когда другие не слушали его, а собственная точка зрения казалась единственно верной. Да, Андрей был умным, даже имел какую-то ученую степень, но отталкивал презрительным взглядом, в котором читалось, что весь мир ему должен. Нелюбовь к животным стала для меня решающим фактором.

— Приехали, — сказал Андрей, останавливаясь неподалеку от огромного серо-белого здания, обнесенного забором. Это и была школа — недавно отстроенная, современная и пафосная. Мама, сияя от радости, сказала, что попасть туда было сложно, но нам повезло! Директор — давний приятель Андрея, с которым они вместе учились в университете. И он легко устроил меня в эту крутую школу. Он вообще любил решать вопросы через знакомых.

— Спасибо, что довез, — ответила я вежливо и вышла из машины.

Андрей вдруг открыл окно и высунулся.

— Ты цветы забыла, — сообщил он и протянул мне букет, который я тотчас прижала к себе. А затем — еще пару крупных купюр.

Я удивленно на него взглянула.

— Зачем?

— На карманные расходы. Сходи куда-нибудь после линейки.

Я удивленно взяла деньги и уже хотела было поблагодарить отчима, как он добавил:

— Займи себя часов до восьми.

— В смысле? — не поняла я.

— Мы с твоей мамой будем заняты. Хочу сделать ей сюрприз и привести в гости коллег по работе. Тебе будет скучно со взрослыми, — ответил Андрей, закрыл окно и уехал. А я осталась одна под накрапывающим дождем и с большими на тот момент для себя деньгами.

Что? Seriously? Он не хочет, чтобы я до вечера появлялась дома из-за гостей? А что мне тогда делать? Сидеть в кафешке или бродить по незнакомым улицам в непогоду?

Вот придурок!

Я смяла купюры, сунула в карман пиджака и поспешила к школьным воротам, к которым стекались школьники и их родители.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/91056/2927486>